18+

Уйти нельзя остаться

Екатерина Велесова

Екатерина Велесова

Уйти Нельзя Остаться

«Издательские решения»

Велесова Е.

Уйти Нельзя Остаться / Е. Велесова — «Издательские решения»,

Казённая комната детского дома, казарма военного училища, офицерское общежитие и служебные квартиры военных городков — всё, что Сашка видел за свои сорок лет. Ему кажется, что он делает всё правильно и видит то, что должен. Но судьба захочет открыть глаза пошире и залезть в сердце поглубже, поставив перед выбором. И что сделает он? Уйдёт, когда сердце попросит остаться, но обязательства будут требовать исполнения? Или останется там, откуда нужно бежать, но ответственность перекроет все пути?

© Велесова Е.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 12
Глава 3 19
Глава 4 24
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Уйти Нельзя Остаться

Екатерина Велесова

© Екатерина Велесова, 2026

ISBN 978-5-0071-6446-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

2003 год

Пасмурное утро заглянуло в окно и с укором нависло над спящим мужчиной — как нещадный надзиратель, наблюдая за беспокойно дрожащими веками на хмуром лице и не пытаясь нарушить кошмарное сновидение. Но тонкие губы мужчины исказились в безмолвном крике, ресницы дёрнулись, и хмурая маска сменилась безмятежностью.

Сашка разлепил сонные глаза и повернул голову к тумбочке, надеясь увидеть на циферблате будильника оставшиеся пять минут до того, как адский ультразвук пронзит мозг и заставит тело принять вертикальное положение. Но стрелки застыли на полуночи, немым укором напомнив о том, что чудо инженерной мысли просило новую батарейку ещё вчера.

Рука потянулась с робкой надеждой к механическим наручным часам, и те тоже не добавили оптимизма, заставив мужчину разочарованно выдохнуть:

— Перхлорат мне в дышло. Проспал.

На мгновение его ресницы опустились и перед глазами явилось мгновение сна: лобовое стекло, заляпанное грязными брызгами и покрытое паутинками трещин от пулевых отверстий. Легковушка идёт юзом в неглубокий придорожный овраг, садится днищем на снег и утыкается носом в сугроб. Сколько прошло секунд? Пять? Думать некогда. Только успел вывалиться в открытую дверь, рванув обмякший торс водителя на своё сиденье, как короткая очередь шмальнула по левой стороне кузова…

Сашка провёл ладонью по лицу, открыл глаза и уставился в потолок, похожий на заснеженное бескрайнее поле, которое едва не стало его могилой. Тряхнул головой, прогнал назойливую картинку и дал себе пару минут на принятие решения. Ещё полгода назад первым порывом было бы соскочить и нестись сломя голову на работу в чём мать родила. Но теперь ценность каждой секунды стала настолько высокой, что именно спешка казалась излишней потерей времени. Да и банальная лень нежно зашептала о том, что нужно выспаться, а работа — не волк и в лес не убежит. И только беспощадная логика расставила всё на свои места, заставив тело действовать.

Мужчина сел и попытался отыскать взглядом одежду, в полной уверенности, что форма охранника мирно пребывает рядом на стуле, как и положено. Но попытка быстро отыскать в бардаке общаговской комнаты, хоть что-то, оказалась тщетной. На кровати напротив громко храпел сосед, а всё пространство вокруг напоминало помойку.

Взгляд прошёлся по грязному столу с остатками нехитрых закусок и опустился на пол, где мирно валялся искомый стул, эпично задрав кособокие ноги и придавив казённые вещи.

Пустые бутылки звякнули под ногами, отлетели в сторону и Сашка, натянув спортивки и всунув ноги в шлёпки, поплёлся в душевую на этаже, логично размышляя о том, что торопиться уже некуда и лучше предстать на работе позже, но в виде нормального человека. В конце концов, гораздо приятнее быть свежим и гладковыбритым во время того, как начальник смены будет иметь его в извращённой словесной форме.

Щёлкнув выключателем рядом с дверью душевой, мужчина прислонился лбом к синей краске на стене и глаза моментально закрылись, в надежде подремать лишнюю минутку, пока армия усатых жителей санузла разбежится по щелям. Но упрямая ответственность погрозила трудовой книжкой с записью об увольнении, и Сашка распахнул дверь, вырвав тело из лап Морфея и бросив под нещадные струи контрастного душа.

А вскоре водные процедуры не только взбодрили, но и улучшили настроение, добавив оптимизма. В конце концов, положительный момент в позднем подъёме тоже был и не малый — Сашка был единственным претендентом на душ и в дверь никто не барабанил, взывая к совести.

Мужская общага, в которой он арендовал койко-место, была заполнена приезжими работягами и гудела ранним утром, как переполненный улей, в котором каждый «шмель» торопился отметиться в санузле, перед тем как расправить крылья и раствориться в трудовых буднях.

Бесконечные очереди в места общего пользования отбрасывали Сашку в воспоминания о детском доме, где прошло детство, и том времени, когда он, как и все курсанты, топтался около заветной двери туалета в казарме военного училища. И похожее ожидание, но уже теперь, неизменно приводило к размышлениям о том, что с казённой жизнью он так и не свыкся, а попытка создать домашний уют провалилась с треском.

Но сегодня тоскливые мысли не успели развернуться в полной мере и мужчина — собравшийся и преисполненный хорошим настроением, спустился в холл первого этажа.

В нос ударили манящие ароматы из столовой и желудок недовольно забурчал, намекая на завтрак. Но Сашка сделал вид, что не заметил призывного рыка, включил на всю катушку обаяние и направился к пожилой женщине, которая сидела за полированным столом у выхода из общаги.

— Нина Витальевна! — улыбнулся он так, словно увидел мисс Вселенной. — Вы, как всегда, само совершенство!

Но комендантша улыбнулась и демонстративно отодвинула шоколадку, которую он положил перед ней на стол:

— Саш, всё равно придётся соседа пока потерпеть. Не могу я его сейчас выселить.

Но Сашка перегнулся через стол, сунул плитку в ящик и произнёс заговорщицки:

— Нина Витальевна, дорогая вы моя. Конечно я потерплю. Но ваши слова вселяют в меня надежду, что алкогольные пары из комнаты исчезнут раньше, чем у меня возникнет повторное желание прибить их обладателя. А шоколадка — это самое малое, чего достойна ваша улыбка.

На что женщина махнула рукой и рассмеялась:

— Ох и балабол ты, Сафронов! Хватит уже передо мной перья пушить. Иди лучше к Аллке зайди. Она мне про тебя все уши прожужжала.

Приветливая улыбка сползла с мужского лица, одна бровь поползла вверх, и он удивлённо кивнул на закрытую дверь парикмахерской позади себя:

— Аллочка решила осчастливить нас своим присутствием?

— Да. Со вчерашнего дня опять здесь работает, — зашептала Нина Витальевна, иронично следя за его реакцией. — Хватит конфузиться, Сафронов, иди хоть поздоровайся.

— Ниночка Витальевна, а вы меня, никак, сватаете? — озорная улыбка скользнула по губам и Сашка выпрямился, покачав осуждающе головой. — Ах, как нехорошо! Я так рассчитывал на вашу благосклонность! А вы от преданного кавалера готовы так просто отказаться?

— Иди уже, кавалер! — прыснула смехом женщина. — Ладно, скажу, что не видела тебя.

И Сашка, кивнув благодарно, вышел из общежития.

Улица встретила тишиной и спокойствием, присущими городской окраине. Серое небо, невзрачные просевшие сугробы и клубящаяся противная морось в воздухе — могли испортить настроение кому угодно, но только не Сафронову. В его жизни бывало грязи и побольше той, что пробивалась собачьими подснежниками, сквозь растаявшее зимнее убранство.

Размышляя о бренности бытия, неожиданном появлении бывшей любовницы и том пердимонокле, что запойный сосед по комнате устраивал последнюю неделю, мужчина дошёл до безлюдной остановки и с тоской посмотрел в начало оживлённой трассы. По закону подлости, автобуса не было. Легковые автомобили шумной вереницей мчались мимо и некоторые из них приветливо маячили шашечками такси. Но такой роскоши Сашка себе позволить не мог, ибо в кармане куртки позвякивала мелочь на проезд в автобусе и пару столовских беляшей, которые должны были заменить трёхразовое питание в предстоящие рабочие сутки.

Оставалась надежда на сигарету, что одиноко болталась в пачке, потому что по Вселенской заповеди, автобус всегда появлялся именно тогда, когда делалась первая затяжка.

Сигарету было жалко, но чем только ни пожертвуешь ради призрачной надежды не потерять работу. Зажигалка щёлкнула кремнием, табак затлел, и струя дыма уже готова была вырваться из мужских губ, но шутки мироздания сегодня оказались несколько специфичными. Белая иномарка промчалась рядом с тротуаром, словно крейсер, разрезала грязную жижу, скопившуюся у бордюра, и окатила брызгами мужскую фигуру.

— Да твою ж…! Гидразин тебе под хвост!

Сашка недоумённо развёл руками, выплюнул намокшую сигарету и зачем-то приметил номер, растворившийся в автомобильном потоке. Кажется, намёк был ясен и день уже не сулил ничего хорошего, но мужская логика рассудила здраво о том, что двадцать минут позора в автобусе — ничто по сравнению с безработицей. Поэтому, размазав носовым платком грязь больше, чем отчистил, к пятиэтажному офисному зданию Сафронов подходил, как размалёванный спецназовец.

Взгляд привычно скользнул по парковке перед входом, и серые глаза округлились, увидев знакомое сочетание цифр на бампере. Удивление сменилось озорной ухмылкой, а внутри загорелся огонёк надежды на восстановление справедливости. Чему поспособствовала урна, содержимое которой и оказалось на лобовом стекле и капоте «белого крейсера».

Глупое возмездие слегка приподняло настроение и Сашка уверенно распахнул массивную стеклянную дверь. Фойе встретило привычным шумом, который издавали новоиспечённые бизнесмены разного калибра, обсуждая насущные дела и непременно демонстрируя навороченные сотовые телефоны, предоставляя их в качестве доказательств своей состоятельности.

Сашка поспешил пройти незаметным мимо стойки регистрации посетителей, но пожилой охранник, дремавший на стуле, знал своё дело и гаркнул вслед:

— Стоять! Сафронов, ты совсем обнаглел? Я уже три часа, как должен бока отлёживать дома!

Но увидев фас сменщика, охранник вытаращил глаза и заржал так, что народ вокруг притих и устремил внимание на эпицентр странных, для такого места, звуков.

Палыч был нормальным мужиком, но в этот момент Сашке захотелось его придушить. И он бы это сделал, но памятуя о том, что пришёл охранять порядок, а не нарушать, свернул в технический коридор, где находился кабинет начальника смены, раздевалка и куча подсобных помещений по соседству с самыми востребованными комнатами — «М» и «Ж». Одну из которых он, в соответствии полу и воспитанию, навестил сразу, в надежде умыться и предстать перед очами сурового начальства чистым. Но оно само, в лице отставного полковника по прозвищу «дед», неожиданно распахнуло дверь уборной перед Сашкиным носом и застыло в изумлении:

— Сафронов… Судя по времени прибытия и внешнему виду, ты не иначе как ползком добирался. Что? Диверсантом подрабатывать взялся?

— Алексей Семёнович…

— Что, Алексей Семёнович? Я шестой десяток Алексей Семёнович! Значит, так, стратег! Пять минут на приведение себя в достойный вид и живо ко мне в кабинет!

Сашка потупил взгляд, изобразив глубокое раскаяние, но блестящая лысина «деда» исчезла, и он выдохнул облегчённо, приступив к выполнению приказа. Вода из крана рванула в раковину и белая керамика моментально покрылась грязными брызгами. Пятнистое отражение в зеркале приобрело человеческий облик, и мужчина удовлетворённо улыбнулся, откинув чёлку, нависшую на лоб, как крыло ворона. Только «крыло» уже тронула ранняя седина, пытаясь превратить чёрную смоль волос в серебро.

А переодевшись в чистый комплект формы и получив заслуженных люлей от начальства, Сафронов заступил на пост под непрерывное бурчание сменщика.

Пал Палыч, сухой и жилистый, был далёк от юного возраста, но в свои преклонные года, вёл достаточно активный образ жизни, не собираясь уступать небо под солнцем молодым претендентам на рабочее место. А считая себя образцом для подражания, он так и норовил наставить на путь истинный любого, кто имел снисхождение к сединам и не посылал далеко и надолго. Поэтому и теперь не торопился домой, а пытался развести сменщика на разговор, поглаживая плешь на макушке:

— Ты какого лешего своего соседа не приструнишь? Выпрут с работы и поминай как звали! Опять из-за его кордебалета опоздал?

Но Сашка не был настроен на откровения и делал вид, что просматривает журнал посещений, попутно разглядывая опустевшее фойе.

Ближе к полудню наступала долгожданная тишина и редкие звуки, доносившиеся с верхних этажей, долго петляли по бесконечным коридорам, прежде чем упасть вниз и оттолкнуться эхом от стекла и бетона.

Сафронов заострил внимание на единственном посетителе, мирно сидевшем на одном из многочисленных диванов, и что-то знакомое показалось в его внешности. Но Палыч не унимался и отвлекал болтовнёй:

— Саш, ты же взрослый мужик, а мотаешься, как дерьмо в проруби. Это куда ж ты все деньги деваешь, что на курево не остаётся? И зарплата есть, и пенсия военная, а ты, как беспризорник малолетний. Я в твои годы уже…

Нравоучения сменщика могли продолжаться бесконечно, но в стеклянную дверь вошла пожилая женщина и окинула рабочее место охранников строгим взглядом. Палыч тут же засуетился, молча забрал сумку с пустыми банками из-под обеда и поспешил на выход, заискивающе подхватив жену под локоток и шепча какие-то оправдания.

А Сашка облегчённо выдохнул и достал журнал с кроссвордами, попутно размышляя о словах пожилого сменщика, который был прав, взирая на его жизнь со своей колокольни. Но это была лишь одна сторона медали.

— Сафронов? Ты что ли? — раздался мужской голос у стойки регистрации.

Сашка поднял голову и встретился с удивлённым взглядом. Приветливо улыбнулся и встал, оказавшись слегка выше крепкого коренастого мужчины в классическом костюме:

— Колька? Точно! А я смотрю — физиономия знакомая кожзам на диване прессует. Думал, показалось. Ты что здесь делаешь, Шелудяков?

Тот продемонстрировал сотовую трубку, небрежно кинул её на стойку регистрации, вместе с пластиковой папкой и хмыкнул, манерно стряхнув ладонью несуществующую соринку с плеча:

— Да так, по делам заехал. А ты, смотрю, всё служишь?

На что Сашка пожал плечами и сделал вид, что не заметил пренебрежения в вопросе:

— Работаю здесь. А ты как?

— Да нормально. Рублю бабло потихоньку. Мне, в отличие от вас, пенсионеров, некогда штаны на стуле протирать.

Встреча была не настолько радостная, чтобы кидаться в объятия, но укол задел и отразился металлом в серых глазах. Колька это заметил и сменил тон на более дружелюбный:

— Да ладно, Сафронов, не злись. Я сам с этого начинал. Давно погоны на бейджик сменил?

— Третий год. А ты? Помнится, карьеру военную построить хотел. Не срослось?

Шелудяков вздохнул и недовольно поморщился:

— А у кого оно срослось? Как союз развалился, сам знаешь, что началось. Какая там карьера, когда жрать было нечего. Ты в другую дивизию перевёлся, а я совсем из армии свалил. Вот с тех пор и бизнесменю. Восьмой год уже. А ты на отселение приехал? Семья, дети?

Но это были те вопросы, которые Сашка обсуждать не хотел, поэтому оглядел пустой холл и кивнул в сторону выхода:

— Может, покурим?

Колька выудил из кармана пиджака пачку «Мальборо» и торжественно шмякнул о пластиковую папку:

— Идём. Угощаю!

Снисхождение, промелькнувшее в глазах бывшего сослуживца, добило самолюбие, и Сашка взял со стола начатую пачку «Примы», заботливо оставленную Палычем:

— Да нет уж. У меня свои. Поздно привычки менять.

Прохладный мартовский ветер забрался под куртку свободной спецовки, и Сафронов поёжился, сплюнув в урну первую затяжку вместе с табаком, прилипшим к языку, и размышляя о том, что сигареты без фильтра лучше, чем ничего, но гораздо хуже тех, что вернулись в карман Шелудякова.

Пора было уже что-то предпринимать, чтобы вылезти из беспросветной дыры, но, как показали последние месяцы, падать Сашка умел лучше, чем карабкаться наверх.

А Колька шумно выпустил клубы дыма и выдернул Сашку из задумчивости, будто прочитав мысли:

— И долго тут работаешь?

— Третий месяц. До этого…

Сафронов не успел продолжить, потому что слова прервал недовольный женский голос, прозвучавший за спиной:

— Господин охранник! А вам никто не говорил, что рабочее место можно покидать, только в случае крайней необходимости? Вернитесь на пост немедленно!

Колька кивнул в сторону входа и растянул губы в притворной улыбке:

— Софья Сергеевна, здравствуйте!

Но его старания не были замечены, потому что претензии летели строго в адрес Сашки, который даже головы не повернул, чтобы отреагировать на приказной тон. Лишь сигарета полетела в урну, а руки сплелись на груди в ожидании исчезновения очередной истерички, которая возомнила себя акулой бизнеса и считала нормальным — относиться ко всем как к прислуге.

Но истеричка и не подумала вернуться в холл, а предстала перед Сафроновы и посмотрела сердито снизу — вверх, удерживая перед собой коробку из-под принтера. Молодая женщина пфыкнула, сдула с лица назойливые каштановые кудряшки и повторила:

— Господин охранник! Я к вам обращаюсь! Почему я должна вас искать, пока вы тут прохлаждаетесь?

На что у Сашки от удивления округлились глаза, и левая бровь изогнулась дугой, взлетев гораздо выше правой. Миниатюрная шатенка усиленно пыталась хмуриться и выглядеть строгой, но по-детски надутые губки и милые веснушки никак не способствовали этому. Поэтому мужская оборона рассыпалась в прах и вылилась в ироничную улыбку:

— Милая леди, а вы знаете, что охрана в этом здании находится для того, чтобы оберегать спокойствие деловых людей, а не срываться на каждый свист, если даже он исходит от такой очаровательной особы?

Софья Сергеевна хватанула воздух и попыталась изобразить ещё большее возмущение, но Сашка продолжил:

— Вы можете сколько угодно метать сапфировые молнии в мою сторону, но это не приведёт к желаемому результату. Потому как нервная система господина охранника реагирует исключительно на просьбы и мольбы о помощи. А у вас что?

Длинные ресницы растерянно заморгали, черты лица смягчились, и шатенка неуверенно пожала плечами:

— Не знаю. Понимаете, там коробки… Я сама хотела, а дверь тяжёлая… а там никого…

— Так вам помощь нужна?

Непослушный локон моментально отреагировал на утвердительный кивок и вернулся на лицо хозяйки. А Сашка улыбнулся и попытался забрать коробку, но женщина замотала головой:

— Нет, она лёгкая. Там, в холле…

— Тогда позвольте…

Он улыбнулся и убрал непослушную прядь за женское ушко, отчего сапфировые радужки покрылись осколками разбитого стекла, а на щеках шатенки проступил лёгкий румянец:

— Что вы себе позволяете? Мне коробки из холла нужно в машину перенести, а не… Вы поможете?

— Конечно помогу. Идёмте. Где там ваши коробки?

Сашка кивнул собеседнику и заметил, как резко изменилось выражение лица женщины, когда та поймала на себе пристальный взгляд Шелудякова. Глаза её блеснули настоящим холодом и в голосе зазвучали металлические нотки:

— Николай Алексеевич, я очень надеюсь, что в вашей папке обещанный отчёт! Жду вас в своём кабинете через полчаса и прошу не опаздывать!

Но тот не счёл нужным ответить, бросил в урну истлевший фильтр сигареты и презрительно процедил вслед удаляющейся женщине:

— Стерва. Главное, чтобы ты сама не опоздала… на свои похороны, — заметил он удивлённый взгляд Сашки и добавил. — Не вникай. Так, рабочие разногласия.

Сашка и не собирался вникать, но прямая угроза была мало похожа на рабочие недомолвки, поэтому забрал из холла коробки, вышел на улицу и осмотрелся, предполагая избавиться от груза и продолжить разговор. Но Кольки и след простыл, поэтому Сафронов удивлённо хмыкнул и отправился на парковку, где за рядами автомобилей маячили каштановые кудряшки, собранные в высокий хвост. Но оказавшись рядом, застыл как вкопанный, наблюдая за мечущей молнии женщиной.

Софья Сергеевна отчаянно размахивала щёткой и скидывала мусор с того самого «белого крейсера», успевая при этом вытирать хлюпающий нос и возмущаться:

— Это точно Шелудяков напакостил. Больше некому. Вот гад!

На что Сафронов нерешительно потоптался, выглянул из-за коробок и выдохнул:

— Вы простите, но это я сделал.

Признание было таким неожиданным, что даже длинный ворс на щётке встал дыбом, а женские глаза удивлённо округлились и мигом заполнились слезами:

— Зачем? Вам то я что плохого сделала? Мы ведь даже не знакомы.

— В том то и дело, — Сашка кивнул на багажник, — откроете?

Коробки оказались в машине, он слегка отряхнул форму, хотел уже рассказать об утреннем происшествии и раскаяться искренне в содеянном, но столкнулся с холодным взглядом, пронизанным надменностью:

— И чего вы ждёте, господин охранник? Чаевых? Так вам их, видимо, Шелудяков обещал. Пусть он и платит!

Слова окатили холодным душем и отрезвили мозг, который ошибочно принял фурию за нежное создание. В голове пронеслись нелестные эпитеты, но вслух Сашка смог озвучить лишь совет:

— Вам, мадам, валерианочки бы попить, а лучше — сразу к психиатру.

— Что?! Да как вы смеете?!

Но возмущение прозвучало уже в спину и Сашка не стал утруждаться ответом, прекрасно понимая, что таких бизнес-леди пруд пруди и вступать с каждой в полемику — себя не уважать.

Глава 2

Смена пролетела незаметно и утро следующего дня началось с привычной вереницы служащих, спешивших с пропусками мимо поста охраны в офисы фирм, контор и компаний.

Среди местных обывателей попадались и случайные посетители, которые не торопились к лифту, а застывали в растерянности посреди фойе.

Но Сашка уже безошибочно определял, с какой целью тот или иной человек забрёл в бизнес-питомник. Ибо молодое поколение быстро ориентировалось в пространстве, а пожилые люди, как правило, искали юридическую помощь, тыкая пальцем в бесплатную газетёнку, или показывали рекламную листовку очередной чудо-фирмы, предлагавшей омолодить стареющий организм до состояния младенца, попутно излечив тяжкие недуги. Но попытки переубедить пенсионеров Сашка не предпринимал, памятуя о том, как один из сменщиков был уволен именно за это, поэтому терпеливо выслушивал сетования на тяжёлую жизнь и отправлял к лифту.

И когда в холл вошли две приятные пожилые женщины и сразу же направились в технический коридор, Сашка решил, что это новенькие из техперсонала, не успевшие получить пропуск, но на всякий случай окликнул:

— Сударыни! А можно узнать, куда вы так спешите?

Посетительницы вернулись в фойе, попытались что-то объяснить, но терпеливо выслушали лекцию о непременно обязательной регистрации и согласились занести свои данные в журнал посещений, но женский голос за спиной прервал их милую беседу:

— Доброе утро! Можно вас?

Сашка отпустил женщин с миром, кивнув в сторону лифта и обернулся.

Софья Сергеевна приветливо улыбалась и сапфировый взгляд лучился теплом. Но мужское самолюбие напомнило о вчерашних событиях и включило нудного сухаря-охранника:

— Здравствуйте. Чем могу быть полезен?

— Я хотела за вчерашнее… — начала было шатенка, но наткнулась на холодный серый взгляд, поменялась в лице и натянула маску строгой учительницы. — Мне вы ничем не можете быть полезны, а вот первым здороваться со всеми, кто входит, — обязаны! Или вам элементарные правила этикета не знакомы?

От такого выпада у Сафронова взлетели брови и ему захотелось то ли рассмеяться, то ли отшлёпать неугомонную дамочку, но он сдержался и даже руки убрал за спину, недоумённо хмыкнув:

— Отчего же, мадам? Правила этикета мне знакомы. Только в инструкции они не прописаны и чаевые мне за них не платят. Поэтому приветствую я всех исключительно по доброй воле и не обязан изображать вселенскую радость по отношению именно к вам. Ещё вопросы? Нет? Тогда не мешайте выполнять работу, а с претензиями обращайтесь напрямую к начальству.

Сашке на мгновение показалось, что перед ним опять стоит вчерашняя милая шатенка и растерянно хлопает ресницами. Уголки его губ дрогнули и приготовились растянуться в улыбке, но видение быстро исчезло, потому что женщина развернулась, надменно задрала подбородок и зашагала в сторону лифта, бросив на ходу:

— Хам. Набрали с улицы кого попало.

На что он проводил удивлённым взглядом миниатюрную фурию и продолжил работу, пытаясь выкинуть из головы милые веснушки. Тем более, предстоящего дня Сашка ждал весь месяц, словно запойный сосед новую бутылку с утра. Но навязчивое видение плавно обогнуло бетонный постамент разумных мыслей искрящимся на солнце ручейком, и предстало сапфи-

ровыми искрами, обрамлёнными водопадом каштановых кудряшек, которые нежно коснулись солнечного сплетения и заставили сердце заколотиться.

Мужчина тряхнул головой, понимая, что начинает бредить от банального недостатка интима и зациклил внимание на высоких юбочках и низких декольте, дефилировавших мимо. Анатомические подробности молоденьких прелестниц демонстрировались настолько открыто, что не оставляли места для фантазии, но этим и волновали мужское начало.

Вот только стоило стройным ножкам раствориться в бесконечности коридоров, и мозг неумолимо напомнил, как Софья Сергеевна сняла лёгкий плащ, повесила на руку и замерла в ожидании лифта. Чёрное строгое платье подчёркивало пышную грудь и плавную линию бёдер, словно футляр, бережно укрывавший песочные часы, а ниспадавший каскад длинных волос играл шёлковым блеском под искусственным освещением…

— Сафронов, ты опять в облаках летаешь?

Раскатистое эхо разнесло голос сменщика по опустевшему холлу и вернуло Сашку в реальность. Он прошёлся ладонью по лицу и посмотрел удивлённо на запястье. Наручные часы, ещё недавно нагонявшие тоску своей медлительностью, показывали время пересменки. И сей факт взбодрил лучшего холодного душа, а мозг активно заработал, планируя, как распорядиться зарплатой.

Из здания бизнес центра Сашка вышел в прекрасном настроении и даже слегка обрадовался Шелудякову, который не торопясь шёл с парковки, поигрывая ключами от автомобиля и удерживая пластиковую папку под мышкой.

— Сафронов, куда спешишь?

— На встречу с прекрасным. А ты, смотрю, никак отчёт начальству не донесёшь? — кивнул Сашка на документы и улыбнулся, пожав протянутую Николаем ладонь.

Тот недовольно хмыкнул и достал сигареты:

— Тоже мне, начальство. Шла бы эта пигалица, знаешь куда? Возомнила себя бог знает кем, директриса хренова. А сама — ни ухом, ни рылом в бизнесе.

Сашка не стал отказываться от предложенной сигареты и тоже закурил, удивлённо округлив глаза:

— Так эта, с конопушками, твой директор? — рассмеялся он и едва не поперхнулся дымом. — Ну ты попал, Шелудяков! А чего тогда держишься? Платит хорошо?

— Платит не она, а её отец. Это его строительная компания. Три месяца назад с ним неприятность случилась — инсульт разбил, и похоже — к делам уже не вернётся. Вот мартышка и прискакала руководить. Всё вверх дном поставила. От неё даже замы разбежались. А неделю назад офисы в эту жопу мира перевела. В центре города, видите ли, аренда дорогая. Дура, короче.

Сашка выдохнул клубы дыма, потёр глаза, которые закрывались не то от недосыпа, не то от яркого утреннего солнца, отражавшегося в подтаявших лужах, и хмыкнул:

— Да уж. Нервная особа. То смотрит матом, то обижается, как ребёнок.

— Кто обижается, она? — Колька скривился и сплюнул на асфальт. — Да такую стерву, чтобы пронять, надо армейской бляхой три дня хлестать. И то, вряд ли слезинку уронит. А нервная, потому что мужика, видно, нет. Кому она нужна? Ты наших девчонок из офиса видел? Вот чьи ножки раздвигать приятно.

— И что, часто дают?

— Что?

— Раздвигать.

— Пока ни разу, но я над этим работаю.

Мужчины рассмеялись и Сашка выбросил сигарету в урну:

— Ладно, Колян, пора мне. А то глаза слипаются.

На что Шелудяков затянулся и стряхнул пепел:

— Санёк, подожди. Столько лет не виделись, а так и не поговорили толком. Может, вечерком сообразим по пять капель? — наигранный озорной взгляд прищурился от попавшего в глаза дыма и ребро ладони коснулось шеи, призывно намекая на суть сказанного. — Или ты занят?

Планы на день пролетели в Сашкиной голове и остановились на свинарнике, который предстояло убрать и при этом не покалечить соседа. Поэтому предложение оказалось, как нельзя кстати. Он демонстративно почесал кадык и многозначительно улыбнулся:

— Да нет, не занят. По пять капель, говоришь? А почему бы и да?

— Тогда в восемь в Цезаре. Знаешь такой, в центре?

Сашка слегка напрягся от названия и недовольно сморщился:

— Да слышал, но что-то не впечатляет меня — пить водку по цене алмазного фонда.

— Сафронов, не жмотничай. Я в этом баре почти каждый день зависаю. Да и поляну сам обеспечу.

На том и порешили. Колька отправился в бизнес центр, а Сафронов рванул на остановку. А получив зарплату в головном офисе охранного предприятия и отправив денежный перевод на почте, зашёл в помещение междугородного переговорного пункта.

Несколько человек со скучающим видом сидели на откидных стульях и терпеливо ждали. Очередь в кабинки с телефонами двигалась неспешно и чем ближе становилась заветная цель, тем быстрее у Сашки колотилось сердце, а в ушах звенели детские голоса. Но, как и всегда, трубку взяла жена.

— Алло, я вас слушаю.

— Маш, привет.

— А, Сафронов, ты, — разочарованно протянул женский голос, — по делу или как?

— Я тоже рад тебя слышать. Вика с Димкой дома?

— А со мной поговорить не хочешь?

— Если ты про деньги, то отправил только что.

Недовольный вздох из трубки ворвался в ухо и за ним последовал привычный монолог:

— Сафронов, то, что я получаю последние три месяца, деньгами не называется. Ты собираешься на нормальную работу возвращаться? Или так и будешь штаны за три копейки протирать?

Сашка окинул взглядом помещение и прикрыл дверь переговорной кабинки плотнее:

— Маш, я тебе уже говорил, что на прежнее место выйду не скоро. Айболит не даёт пока допуск к оружию, а без него на сопровождение грузов не вернут.

— Вот только не надо на меня свои проблемы перекладывать! — надменно парировала Маша. — Мне, знаешь ли, своих хватает. Я одна двоих детей тяну, которых, между прочим, ты навязал, а теперь содержать не хочешь.

— Ты бы тон попроще сделала, а то молоко в холодильнике скиснет. Димка с Викой не под дулом пистолета появились. Если тебе тяжело, то без проблем — заберу.

— Куда? В общагу голодранскую?

— Нет, я соседу нашему в военный городок звонил. Он сказал, что кэч уже на ушах стоит и скоро будут квартиры распределять.

В трубке повисла тишина, но следом тон Маши сменился на примирительный:

— Это хорошо. Саш, ты не злись. Мне просто тяжело, вот и срываюсь. В конце концов, это ты виноват, что мне пришлось от тебя уйти.

— Только я? Ты серьёзно думаешь, что два года без интима могли закончиться как-то иначе?

— Сафронов, хватит уже вести себя, как подросток озабоченный. Нужна была бы, жил бы интересами семьи, а не кобелировал в моей кровати.

— Вот поэтому, Маш, мы с тобой и разбежались. Потому что — твоя кровать, мой диван, а совместного ничего не было. Ладно, хватит об этом. С деньгами совсем туго? Я постараюсь что-нибудь придумать и со следующего месяца зарплату начну целиком высылать. Кстати, а что с моей военной пенсией? Задерживают перечисления?

— А при чём тут пенсия? — голос в трубке искренне удивился и вновь перешёл в наступление. — Ты что думаешь, я здесь монашкой должна сидеть? Мне, вообще-то, надо свою жизнь устраивать. Так что про пенсию можешь не заикаться. Это моя компенсация за потерянную молодость. Тем более, она на оплату кредита уходит.

Сашка сморщился, переложил трубку из руки в руку и прижался к динамику другим ухом, в котором ещё не стоял звон:

— Какого кредита? Ты о чём?

— О том. Я в прошлом месяце машину купила.

— Зачем? Ты права получила?

— Нет, но собираюсь. А ты, как понимаю, передумал?

— Ты о чём?

— О квартире.

— Маш, не говори ерунды. Но если Вика с Димкой тебе и правда в тягость, то уж лучше всё решить сейчас.

— Значит, всё-таки нашёл кого-то?

— Я не собираюсь это обсуждать, тем более с тобой. Дай мне поговорить с детьми.

— Хочешь поговорить, звони завтра.

Сашка нахмурился и сжал трубку:

— Ты опять за своё? Что на этот раз я тебе должен?

— Да ладно, Сафронов, успокойся. Их правда дома нет. С моими родителями на дачу поехали.

— А сразу не могла сказать?

— А обязана? Хватит того, что разрешаю Вике тебе письма писать. Общение с детьми заслужить надо. Вот обеспечишь семью жильём, тогда и будешь права качать.

Сашка хотел ответить, но стиснул зубы, положил трубку на рычаг и процедил:

— Служить бы рад. Прислуживаться тошно.

Но как бы ни было тошно, ради детей он готов был прислуживаться и соглашаться на любые условия.

Весеннее солнце брызнуло в глаза яркими искрами и Сашка зажмурился, едва шагнув из душного переговорного пункта на улицу.

Оживлённый проспект утопал в лужах, запасы которых беспрерывно пополняли ручейки, весело переносившие растаявший снег с тротуаров. Люди оживали вместе с природой, и бесконечная вереница пешеходов сновала туда-сюда через проезжую часть, вызывая негодование водителей и громкие сигналы клаксонов.

Жизнь вокруг бурлила, и мужчина, вдохнув полной грудью, застегнул молнию на куртке и влился в шумный поток.

Размышления о жене и детях пытались вынырнуть, как дельфины из морской пучины, но усталость укутывала беспокойные мысли и подушка на кровати уже казалась важней. Мимо проплывали магазины, аптеки и развлекательные заведения, оставаясь незамеченными, несмотря на яркие вывески. Но мужской взгляд зацепился за неприметную табличку и предательское урчание в животе напомнило о том, что организму нужно в сутки гораздо больше, чем пара беляшей с неопознанной начинкой.

Сашка остановился, сунул руки в карманы брюк и пнул пару раз грязную ледышку, пытаясь найти убедительные аргументы в пользу трёхразового питания воздухом и лечебного голодания.

Но дверь кафетерия распахнулась, молоденькая официантка установила уличный баннер на тротуар и приветливо улыбнулась:

— Здравствуйте! Заходите, мы уже открылись. Учёт закончился.

И только тут он заметил картонку на двери, которая могла ещё пару минут назад спасти его от лишних трат, но теперь исчезла внутри помещения вместе с девушкой. Отступать было поздно и ноги сами занесли сомневающегося мужчину в кафе.

Официантка дождалась, пока посетитель займёт место за столиком у окна, достала блокнотик и приняла заказ, который Сашка продиктовал, не задумываясь, потому что меню знал наизусть.

Посещение скромного заведения было той небольшой вольностью, что он позволял себе раньше пару раз в неделю. Но события в жизни менялись так же стремительно, как силуэты людей за окном. И теперь, в ожидании заказа, Сашка пытался прикинуть, сколько вагонов ему придётся разгрузить в ближайшие дни, чтобы компенсировать непростительную слабость к блинам и предстоящую встречу с бывшим сослуживцем.

Несмотря на скудные финансы, Сафронову проще было вовсе отказаться от посиделок, нежели согласиться на халяву. Но любопытство взыграло не на шутку. Во времена совместной службы Колька Шелудяков прославился тем, что за спасибо мог только послать, а на всё остальное имел чёткий прейскурант. Поэтому и теперь его щедрость должна была иметь железобетонное обоснование. И Сашка прекрасно это понимал, разглядывая оживлённую улицу за окном, и не строил радужных иллюзий по поводу странного интереса к его скромной персоне охранника.

Девушка аккуратно поставила заказ на стол, пожелала приятного аппетита и удалилась с пустым подносом, оставив посетителя наедине.

А Сашка посмотрел на тарелку, рот наполнился слюной и назойливые мысли растворились в призрачном будущем. Блинчики с творогом призывно манили зажаристыми боками и истекали соусом, который впитывался в горячее тесто, смешивался с ванильной сладостью и поднимался в воздух кисло-сладким клюквенным ароматом.

Получив эстетическое наслаждение и раздразнив до отборного мата желудок, Сафронов принялся за поглощение кулинарного шедевра, который не терпел суеты. Нож неспешно проходился по хрустящей корочке, вилка отправляла кусочек блина в рот и Сашка на секунду замирал, собирая в единое гамму вкусов. Глоток обжигающего чёрного кофе завершал феерию, и гастрономическое священнодействие продолжалось вновь, пока на белом глянце тарелки не остались лишь рубиновые потёки соуса.

По телу разлилось приятное тепло, сытый желудок довольно замурлыкал, и посоловевшая совесть совершенно не возмутилась той сумме, которую пришлось заплатить за приятные минуты, разрешив Сафронову слегка погусарить и наградить официантку не только благодарной улыбкой, но и чаевыми.

А прогулявшись пешком по городу и насладившись весенним солнцем, Сашка — в прекрасном расположении духа вошёл в фойе общаги и ещё больше убедился в том, что жизнь прекрасна, когда увидел навесной замок на металлической двери парикмахерской. Ибо на встречу с Аллой был не настроен — ни сейчас, ни когда бы то ни было.

Отношения без обязательств, закрутившиеся из мимолётной интрижки, продолжались полгода и закончились так же быстро, как и начались, оставив неприятное послевкусие.

Сашка ухмыльнулся, вспомнив немую сцену, которая поставила точку в романе с Аллочкой, и попытался открыть замок ключом. Но дверь в комнату слегка скрипнула, открылась от лёгкого прикосновения и явила идеальную чистоту, залитую солнечным светом из окна. Удивлённый взгляд вернулся к цифрам на двери, которые подтвердили легальность проникновения в помещение, и ситуация показалась ещё запутаннее. В голове пронеслось видение о чудесном превращении запойного соседа Витьки в Золушку, но отсутствие в комнате «сказочного» пер-

сонажа и женский голос за спиной разрушили созданную иллюзию и объяснили банальность ситуации.

— Здравствуй, Сашенька. Я тут прибралась немного, пока сосед твой у друзей похмеляется. И вот…

Он обернулся, повесил куртку на вешалку и разочарованно выдохнул, взяв протянутую ему кастрюлю с чистой посудой:

— Аллусь, я, конечно, благодарен за неоценимую помощь. Но какого хлорида ты тут делаешь?

Молодая женщина одёрнула синий фартук, прикрывавший коротенькое платье на стройной фигурке, задержалась у входа и облокотилась спиной на шкаф, сложив руки за спиной и состроив обиженный взгляд:

— Раньше ты таких вопросов не задавал. Что, прямо совсем не рад меня видеть?

— Аллочка, очень рад, но не здесь и не сейчас.

— Я просто хотела устроить сюрприз. Ключ в комендантской спёрла…

Мужчина усмехнулся, поставил посуду на стол и недоумённо качнул головой, сняв спецовку и бросив на спинку стула:

— Да уж, вот что-что, а сюрпризы ты делать умеешь.

Возмущение загорелось в карих глазах Аллочки, и она нервно заправила короткие пряди за ухо. Но непослушные волосы сверкнули металлическим блеском в солнечных лучах и вернулись на лицо, прикрыв наигранное возмущение:

— Саш, но ты ведь даже объяснить мне ничего не дал.

— А разве было чем? — Сашка плюхнулся на кровать и опёрся спиной на стену, не скрывая ироничной улыбки. — Насколько помню, твой рот, в тот момент, был плотно запечатан, как, собственно, и другие отверстия.

— Фу, какой ты пошляк, — женщина решилась и присела рядом с ним. — В конце концов, я тебе ничего не обещала.

— Аллусь, так и я не обещал. И мне фиолетово было, где и с кем ты, кроме меня. Но в тот день ты знала, что я выписываюсь из больницы. Сама позвала, ключ дала. Приехал, называется. Дверь открываю, а там три массажиста тебя во все отверстия имеют, — мужчина ухмыльнулся и закинул руки за голову, устало закрыв глаза. — Нет, я не спорю — сюрприз удался. Но ты же знаешь — это не моя тема. Так что извини, что не присоединился. И вообще, Алл, я устал, как собака…

На что Аллочка восприняла последнюю фразу, как призыв к действию и не заставила себя долго ждать. Длинные ноготки скользнули по его шее, прошлись вниз по синему трикотажу футболки и пальцы уже коснулись пряжки на ремне брюк, но Сашка перехватил её ладонь и недовольно поморщился:

— Аллусь, не старайся. Ну серьёзно, не смогу я с тобой.

— Что за бред, Саш, — выдернула она руку, нахмурилась и тоже облокотилась спиной на стену, сложив ногу на ногу и покачивая шлёпанцем на носке. — Мы же взрослые люди. Да и ты никогда не был ханжой и знал, что не один у меня. И я верности от тебя не требовала. Так какая разница, сколько их у меня было за раз?

— Разница в том, что знать — это одно, а увидеть самому — совсем другое. Собственник я, понимаешь? А ты чего так распереживалась? На мне свет клином не сошёлся. Или в нашем микрорайоне приборы закончились?

Но Алла пропустила издёвку мимо ушей, прижалась щекой к мужской груди и горестно вздохнула:

— Закончились. Только не приборы, а мужики. Саш, не могу я без тебя. Представляешь, я в прошлом месяце вообще ни с кем.

— Ох и дурында ты, Алка, — выдохнул обречённо Сашка, открыл глаза и заключил женские плечи в кольцо из рук. — С таким незамутнённым сознанием, тебе надо не по ширинкам шастать, а влюбиться, выйти замуж и жить спокойно.

— А если я уже влюбилась? — промурлыкала та, повторив попытку проникнуть под ремень. — Помнишь, ты рассказывал про однокурсника, который на ротной шлюхе женился? Она же смогла хорошей женой стать. И я смогу.

Мужчина вздохнул, расцепил руки и пересел на стул напротив кровати. Ещё несколько месяцев назад такого разговора не могло состояться, просто потому, что Сашка давно бы уже воспользовался отсутствием соседа и наличием безотказной Аллочки. Но теперь на его кровати сидел не объект для утех, а молодая женщина, вызывавшая жалость и брезгливость одновременно.

— Алл, ты же знаешь, что этот разговор ни о чём, — попытался он вразумить экс любовницу. — Для меня сейчас любые отношения — непозволительная роскошь. А про всякий перхлорат, типа любви и нового брака, я и раньше не думал, потому что детей на ноги ставить надо.

— Но ведь другие разводятся и снова женятся. И детей так же воспитывают. В чём проблема?

Сафронов понял, что Аллочка не собирается уходить по собственной воле и устало вздохнул. Встал, потянул её за руку и легонько направил к выходу:

— Во мне проблема. Только во мне. Вот такой я гидразин. Остальные эпитеты моей нехорошести придумай сама. И давай закончим на этом.

— Саш, но мы ведь можем… — попыталась она возразить.

— Не можем.

— Я просто узнать хотела, как ты после больницы? Может, помощь нужна?

— Как видишь, в инвалида не превратился, — убрал он женские руки, попытавшиеся обвить его шею, открыл дверь и посмотрел с наигранной мольбой. — Аллусь, там у парикмахерской — очередь. Нехорошо заставлять клиентов ждать. Верни ключ в комендантскую и забудь о моём существовании. Хорошо?

Та недовольно фыркнула, передёрнула плечами и вышла в коридор, но тут же презрительно нахмурилась и подёрнула плечом:

— Как припрёт, сам прибежишь. Только я ещё подумаю…

Но Сафронов не стал слушать, закрыл дверь и оставил ключ в замке. Впереди маячили шесть часов сна, и они должны были состояться, несмотря ни на что.

Глава 3

Визг в ушах стоял такой, что Сашка недовольно поморщился и попытался открыть глаза, но взгляд отказывался фокусироваться и лицо жены, нависшее сверху и перекошенное от злости, плыло и рябило, как мутная гладь воды, подёрнутая рябь. В голове пронеслась мысль, что нужно спрятаться от децибел, разрывающих барабанные перепонки, и рука потянулась к соседней подушке, но резко остановилась и зависла в воздухе. Рядом лежала молодая женщина, вцепившись в одеяло, натянутое до самого носа, и без конца хлопала ресницами, испуганно глядя на взбесившуюся фурию.

Сашка попытался сесть на кровати, но тело отказалось слушаться, и голова, налитая свинцом, не захотела подниматься. Молот в висках застучал так сильно, что боль сжала тисками череп и сердце заколотилось пулемётной очередью. В памяти возникли обрывочные воспоминания, как поругался с женой, и та уехала к родителям, забрав детей. А он отбыл пятидневку на боевом дежурстве, достал из заначки спирт…

Звонок в дверь. Нянечка из детского сада что-то спрашивает про сына, обвивает руками его шею. Тёплые губы, податливое тело и…

Туман застелил всё вокруг и Сашка помассировал веки, проснувшись в комнате общаги. Сердце продолжало неистово выводить дробь, напоминая о том, что он тщетно пытался забыть. Глупая измена разрушила окончательно отношения с женой, которые и до этого уже нельзя было назвать семейными.

Сделав пару глубоких вдохов и успокоившись, мужчина поднёс запястье к лицу. В вечернем полумраке цифры и стрелки наручных часов светились фосфором и намекали на необходимость подняться, привести себя в порядок и ехать на встречу с Шелудяковым. А организм попытался воспротивиться, намекнув на возможность отдохнуть в полной тишине, но в коридоре раздался пьяный мат. Хлипкий замок не выдержал удара, дверь распахнулась и радужки ослепила лампочка на потолке.

Сосед по комнате остановился на пороге, восстановил равновесие, ухватившись за дверной косяк, и озвучил цель своего появления, пытаясь говорить членораздельно, но пялясь в шкаф:

— Слышь, братан. Это. На пузырь. А?

Сашка зажмурился, сел и нащупал ногами тапки на полу, ответив хриплым после сна голосом:

— Витёк, а хочешь я тебе ещё одну кодировку в грудину пропишу — по-братски? А? И заметь, совершенно бесплатно.

Витёк почесал затылок, изобразив мыслительный процесс, повернулся в сторону голоса и состроил жалобную физиономию, попытавшись подойти ближе. Но земное притяжение оказалось сильнее, и тело рухнуло на пол, не достигнув желаемой цели. Среагировав на шум, в дверной проём заглянули два страждущих собутыльника, споткнулись о нахмуренный взгляд Сафронова и молча ретировались, дабы не повторить печальный опыт, когда они попытались наехать на несговорчивого соседа и получили таких звиздюлей, что желание выпить отпало на пару недель само собой.

А Сашка оттащил тщедушного соседа на кровать, поправил сорванную металлическую планку на дверном косяке и отправился в душ. Оставаться в общаге расхотелось напрочь.

Витёк не был буйным алкоголиком, но во время запоя спал, максимум, часа три. Потом подскакивал и начинал шарахаться по тёмной комнате в поисках выхода, тыкаясь с перепоя, то в стену, то в шкаф, а то заваливаясь на спящего Сашку. Прошвырнувшись по общаге и не найдя желающих присоединиться к задушевной беседе, он возвращался с новой бутылкой и продолжал пить в полном одиночестве, бубня что-то нечленораздельное себе под нос. И уснуть Сашке

удавалось только под утро, когда сосед вырубался и падал со стула или умудрялся добраться до кровати.

Жить в таком режиме было муторно, но Витёк не поддавался никаким мерам воспитания и оставалось только ждать, когда его выпрут за неуплату. Тем более, с очередной работы уже турнули, а во всей пятиэтажке не осталось тех, кому он не остался должен.

Жизнь в общежитии начинала бурлить вечерней суетой, когда Сашка спустился в холл и наткнулся на Аллочку, закрывавшую дверь парикмахерской на замок. Но попытка пройти молча не увенчалась успехом, потому что стоило мужчине выйти на улицу, как женский голос окликнул его со ступенек крыльца:

— Сашенька, а ты мне ничего сказать не хочешь?

Он остановился и дождался, когда Алла спустится вниз:

— А тебе не кажется, что я уже всё сказал и не один раз?

Уличный фонарь осветил женское лицо, подчеркнув крайнее удивление и лёгкую обиду на губах:

— И что? Нам теперь и парой слов не перекинуться?

— Парой слов? Можно. Читай по губам — забудь, как меня зовут. Всё, разговор окончен.

Но Аллочка сделала вид, что не заметила раздражения в голосе мужчины и подхватила под руку, когда тот развернулся и пошёл прочь.

— Сашенька, а ты же на остановку? А можно я с тобой?

— Алл, тебе до дома — десять минут. Так что, шла бы ты… пешком.

— Ага, знаешь, по темноте как страшно одной идти? Может, проводишь? А я тебя ужином накормлю.

Сашка остановился, понимая, что назойливость бывшей любовницы не закончится никогда, если он и дальше продолжит слушать совесть, поэтому отцепил женские руки и криво усмехнулся:

— Аллусик, тебя если кто и не знает, так это щенки, которые вчера в подворотне родились. А остальных чего бояться? Ты же профессионал — если по стрижке не узнаешь, так на вкус вспомнишь.

— Саш, ну зачем ты так? — обиженно пролепетала та.

— Алл, а как ещё? Мы точку поставили три с лишним месяца назад, а ты что творишь?

— Ну, я же по дружбе, помочь хотела.

— А в штаны ты ко мне, тоже по дружбе лезла? Так зачем тогда все эти прелюдии с ужином? — он зло ухмыльнулся и потянул ремень, делая вид, что расстёгивает пряжку на своих джинсах. — Давай прямо здесь? Тебе же пофигу — где, когда и с кем! Вот только засада — агрегат у меня один. Для многостаночницы маловато будет. Но ты не переживай. Народ у нас тут добрый, быстро на подмогу прибегут.

Аллочка застыла в растерянности, но в следующий момент слёзы покатились по щекам, губы задрожали, и она рванула в противоположную сторону. Худенькая фигурка с болтающейся около земли сумкой мелькнула в освещённых окнами квадратах на тротуаре и растворилась в темноте, выкрикивая ругательства, вперемешку с рыданиями.

А Сафронов сделал пару шагов следом, чтобы догнать и успокоить, но развернулся и отправился на остановку, ругая себя за то, что перегнул палку и обидел Аллочку сильнее, чем хотел. Вот только, доехав до нужной остановки и покинув автобус, напрочь забыл о неприятной встрече и растворился в толпе прохожих.

Вечерний центр города встретил Сашку разноцветной неоновой иллюминацией и подсветкой огромных баннеров, создавая помпезность на манер мегаполиса. Но переполненные мусором урны, разбитый асфальт на тротуаре и остатки грязного снега напоминали о том, что иллюзорная роскошь превратится в обычную серость, как только первые предрассветные всполохи окрасят небо.

Некогда молодой, рабочий город с несколькими градообразующими предприятиями, теперь походил на старика, которого не торопились лечить, а заворачивали в разноцветный фантик и посыпали блестящим конфетти.

Прогресс двадцать первого века наступал неровной бахромой, поэтому на одной стороне улицы томились иномарки, ожидая своих хозяев, тусующихся в ночном клубе и ресторане, а напротив скучали «бомбилы» и резвилась толпа молодёжи, накрыв алкогольную поляну на капоте ржавой «копейки».

Каждый отрывался от реальной жизни так, как позволяло содержимое кошелька и плотность серого вещества в черепной коробке. И Сашка, спускаясь в полуподвал с кричащей вывеской «Цезарь», настраивался на ту же волну. Организм требовал полного расслабления, а мозг — отключки.

В конце лестницы изнывал от скуки амбал двухметрового роста и пускал дымные кольца в воздух, затягиваясь так сильно, что треск тлеющего табака разносился по узкому проходу. Увидев Сашку, охранник изобразил подобие радости, и гладко выбритая черепушка сверкнула в тусклом свете настенного плафона:

— О, товарищ подполковник! Давненько вы у нас не были. Снова в строю?

— Здорово, Кирюх, — Сашка остановился и протянул руку. — Пока на задворках. Встреча нарисовалась с бывшим сослуживцем. Кстати, вроде как постоянный гость. Не слышал?

— А кто такой?

Сашка описал внешность Шелудякова и вопросительно посмотрел на охранника, который наморщил лоб, почесал затылок и произнёс задумчиво:

— Я такого постоянника не знаю. Сидит там один, похожий. Но он второй раз здесь — это точно.

— А первый раз, не помнишь, когда он тут был?

— Почему не помню? Помню. Вчера, после обеда. С залётным каким-то сидел. Но, видимо, не в масть разговор пошёл.

— С чего такие мысли?

— Товарищ подполковник, ну я же не пентюх какой. Не склеилось у них что-то, точно говорю. Я на кухню обедать шёл, а залётный этому, сослуживцу вашему, сказал, чтобы сам разбирался, и сразу свалил.

Сашка на мгновение задумался, но поднял весёлый взгляд на парня и перевёл тему:

— Слышь, Кирюх, а давай-ка прекращай ко мне по званию обращаться. Мы же не в армии. Я вот думаю — может, накидаться сегодня?

— А что, дело хорошее. Только, Александр Иванович, вы тогда адресок оставьте.

— А ты, никак, в гости набиваешься?

Парень увидел, как у Сашки подскочила левая бровь, поскрёб макушку и смущённо улыбнулся:

— Не-е-е-т! Но мне же надо знать, куда вас отправить на моторе, если вы в невмейко окажетесь.

— Кирюха, я свой адрес могу забыть, только в состоянии трупа. А жмуриков, сам знаешь, куда везут. Но мне туда рановато. Так что, расслабься, боец!

Он хлопнул ладонью по широкой груди парня и вошёл внутрь. Тяжёлая металлическая дверь глухо закрылась за спиной и в нос ворвался аромат крепкого кофе с примесью дорогого табака, сизая дымка которого струилась по деревянным балкам на потолке и неспешно исчезала в гудящей пасти вентиляции.

Великому правителю могло бы понравиться заведение, названное в его честь, несмотря на стиль интерьера, где архитектурные каноны Римской империи читались очень отдалённо.

Стены не красовались графитовыми прожилками на мраморном срезе, но одетые в имитацию дикого камня, навевали спокойствие, впитывая звучание саксофона из колонок. Полировка деревянных столов не пестрила золотыми вензелями, отражая матовый свет плафонов, свисавших с потолка, но чёрные кожаные диваны подчёркивали статус посетителей.

«Цезарь» пользовался популярностью у серьёзных людей и все столики, как всегда в это время, были заняты мужскими компаниями, которые совмещали разговоры с принятием расслабляющих доз алкоголя.

И только у барной стойки торчали несколько девушек, медленно потягивая коктейли и бросая томные взгляды в сторону столиков, а вернее, в обладателей тугих кошельков, сидевших за ними.

Сашка улыбнулся воркующим между собой прелестницам, изобразив удивление, что те сидят без работы, на что одна слегка перебрала пальчиками в воздухе и тоскливо вздохнула, показав, насколько утомительно ожидание выбора, с которым ещё не определились посетители. Но мужчина не стал афишировать знакомство с дамами и направился к Шелудякову, ожидавшему за столиком на одном из диванов.

Сафронов бросил куртку на кожаную обивку и невольно хмыкнул, пожав протянутую ладонь:

— А нам здоровья хватит, чтобы всё это оприходовать?

Колька оценил стол, заставленный алкоголем и закусками, и махнул равнодушно рукой.

— Не хватит, купим. В наше время — были бы деньги, а купить можно всё, — он потянулся к запотевшему графину, по круглой поверхности которого катились капли и плеснул прозрачную жидкость в рюмки. — Падай уже. Не знаю, как ты, а у меня настроение — ужраться в хлам.

Сашка мельком осмотрелся, задержал взгляд на знакомом лице в глубине зала, но едва кивнул и сел напротив бывшего сослуживца, потирая ладони и улыбаясь:

— Ужраться, говоришь? Тогда переходим в боевой режим. У меня сегодня тоже организм на асфальтовую болезнь настроен.

— Что, бабы достали? — Колька сморщился, и рюмка замерла в руке. — Значит, за них сегодня не пьём. Давай за встречу.

И спустя время жидкость в графине уменьшилась, пропорционально тому, как воспоминания о годах службы перетекли в разговор о гражданской жизни, где каждый занял своё место.

Колька, как оказалось, развёлся уже давно, но прожив несколько лет в столице, решил на время осесть в небольшом городе. Устроился полгода назад начальником отдела снабжения в строительную компанию, планируя прокрутить пару хороших сделок, но со сменой правления всё пошло наперекосяк. Ибо мечту о безбедной жизни за границей грозилась разрушить «безмозглая курица», которая ничего не понимала в бизнесе и совала нос, куда не надо.

Сашка слушал, рассказывал сам, ковырял вилкой в салате и ждал, когда собеседник подведёт уже разговор к главному. А то, что главное было, сомнений не оставалось. Но тот выпустил дым, затушил сигарету в пепельнице и продолжил делать вид, что интересуется жизнью бывшего сослуживца:

— А чего не разведёшься, раз уже разъехались?

— Жду. Ордер переделаю, тогда и разведусь.

— Сафронов, ты меня удивляешь. Неужели реально хочешь ей квартиру оставить?

— Не ей, а детям.

— Да хрен редьки не слаще. Сам то с чем останешься — с голым задом?

На что Сашка наполнил рюмки и рассмеялся:

— Колян, а ты, часом, ориентацию не поменял? Чего это тебя мой голый зад заинтересовал? Или хочешь штаны предложить?

Тот прищурился, взял рюмку и хмыкнул:

— Просёк, значит?

Сафронов закурил, наткнулся на пристальный взгляд за спиной собеседника и вернулся в разговор, смахнув с лица налёт безмятежности:

— А чего тут просекать? Говори уже, за какие-такие будущие заслуги ты меня водкой пьянствуешь? Давай напрямую. Не люблю я все эти несимметричные гидразины.

— Напрямую? — Колька опрокинул рюмку в рот и усмехнулся. — Хорошо, давай напрямую. Помощь твоя нужна.

— Бескорыстная, или в обмен на зелёный шелест?

Сашка прищурился и затянулся, наблюдая, как у Шелудякова потеплел взгляд и проснулась настоящая заинтересованность в продолжении разговора.

— Санёк, какое в наше время бескорыстие? Я, думаешь, не понимаю, каково это — жить в общаге на пару с алконавтом, когда денег на сигареты нет? Особенно после того, как из отдела по сопровождению попёрли. Там, небось, другая зарплата была? Да ладно, не смотри волком. Так, птичка на хвосте принесла.

— А ты дятла своего совсем не жалеешь? Хоть бы стилистику почтенного пенсионера сменил. — Сафронов даже не удивился, понимая, что Палыч слил Шелудякову всё, что знал. — Только информация эта не секретная. Давай ближе к делу, а прелюдии оставь вон, — кивнул он в сторону барной стойки, — для девочек.

На что Колька откинулся на спинку дивана, оценил внешность прелестниц, демонстрировавших силу втягивания коктейля через соломинку, и хмыкнул плотоядно:

— А что? Может, замутим парочку? Я тут недалеко квартирку уютную снимаю. Не хочешь?

— Нет, Колян, мои финансы не заточены под их эрогенные зоны. Так что?

Круглое лицо Шелудякова сморщилось недовольно, и он подвинулся к столу, начав говорить тише:

— Сафронов, какой же ты нудный. Ладно, не хочешь девочек, будет тебе наличка зеленью. Мне нужно кое-что из кабинета пигалицы. Работы на пять минут, а ты в здании один всю ночь. Неплохая халява для поддержки штанов. Ну что?

И взгляд мужчины говорил о риторичности вопроса, потому что в ответ Шелудяков ждал не только утвердительного ответа, но и благодарности за свою благодетель.

Сашка усмехнулся, чувствуя, как внутри закипает буря под стать инструментальной композиции из колонок, затушил сигарету в пепельнице и наклонился навстречу собеседнику:

— А вот что. Я, так и быть, сделаю вид, что ничего не слышал. И тебе же будет лучше, если наши параллели больше не пересекутся. А то, знаешь ли, нервный я стал с некоторых пор. Понял?

Колька хотел что-то ответить, но лишь кивнул и опрокинул в рот содержимое второй рюмки. На что Сашка удовлетворённо хмыкнул, кинул на стол купюры из портмоне, забрал куртку и отправился на выход, понимая, что вечер безоговорочно испорчен. Пить расхотелось, а за грудиной так закипело, что первым, кто мог попасть под горячую руку, был неугомонный Витёк.

Поэтому Сафронов решил успокоить нервы пешей прогулкой по ночному городу, но перед выходом надел куртку, оглянулся и свернул в технический коридор. И внимание его привлёк не Шелудяков, оставшийся в одиночестве.

Из глубины зала, неспешно и с достоинством, шёл тот самый человек, визуального контакта с которым он избегал всё время, что находился в баре.

Глава 4

Сафронов вышел из туалетной кабинки, мысленно чертыхаясь и размышляя, что ему нет никакого дела до пакостей Шелудякова. И «пигалица» знала, куда лезла. Пусть сами разбираются, а у него своих проблем выше крыши. Но он тут же забыл обо всём, услышав спокойный мужской голос:

— Добрый вечер, Саша.

Около одной из раковин стоял пожилой мужчина, намыливал руки, и с едва уловимой улыбкой смотрел в зеркальную стену.

— Добрый, Константин Ильич.

Сашка понял, что несмотря на отсутствие желания, разговор состоится, и занялся более тщательной гигиеной рук, слушая назидательный голос рядом.

— Как-то не хорошо получается, мил друг. Пришёл, не поздоровался. Не чужие вроде люди.

— Светиться не хотел, Константин Ильич. Не тот у меня собеседник, чтобы знакомство с вами рисовать.

— Мутный?

— Похоже на то.

— А что по делу скажешь? Бос говорит, возвращаться отказываешься.

Сашка посмотрел в отразившийся в зеркале серьёзный взгляд, буравящий насквозь, и хмыкнул удивлённо:

— Я отказываюсь? А Бос не сказал, что запретил Айболиту допуск мне к оружию давать? Хотя, знаете, Константин Ильич, он прав — пропало желание за гроши черепушку подставлять.

Седовласый мужчина смыл пену и встряхнул руки. Неспешно достал носовой платок из кармана пиджака и повернулся к Сашке:

— А раньше всё устраивало. Цену набиваешь?

Тот тоже закрыл кран, оторвал пару листов бумажного полотенца и стал нарочито тщательно вытирать руки, не отводя взгляда от собеседника:

— Раньше деньги другие были. А в последний раз вы до такой суммы снизошли, что я и не знал, как нарадоваться.

Константин Ильич удивлённо вскинул брови и платок в его пальцах застыл:

— А скажи-ка, мил друг, сколько тебе Бос за последний рейс выплатил?

Сашка усмехнулся и выбросил мокрую бумагу в корзину для мусора:

— Выплатил? Да он десять процентов к официальной зарплате накинул, и будь здоров. А пока я в больнице норму горизонта отрабатывал, быстренько в сторожа спихнул.

— Ясно. Вот и крыса нашлась. Как думаешь, начальник твой молитв много знает? А то, сдаётся мне, сынок твоего почившего напарника и вовсе без молока остался, — мужчина нахмурился, бросил платок в урну и достал из кармана брюк пачку купюр. Снял золотой зажим, оценил количество и протянул Сашке. — Что смотришь? Твоё это, бери и не сомневайся. Я в долгу не привык оставаться. А вот за то, что стучать не прибежал, уважаю.

Тот замялся в нерешительности, но деньги взял:

— Константин Ильич, многовато здесь.

— Нормально. За то, что ты для меня сделал — в самый раз, — добрая ирония скользнула по тонким губам, и мужчина похлопал Сашку по плечу. — Здоровье в наше время дорого стоит. Давай, мил друг, ещё пару недель отдохни и берись за дело. Посылочка у меня намечается. Не хочу никому доверять.

— А допуск? С левым стволом не поеду.

— Считай, допуск у тебя в кармане и Айболит принёс искренние извинения. Добро?

— Как скажете.

— Вот и договорились. А что за тип там сидит? Дела какие?

— Сослуживец бывший, — пожал Сашка плечами, укладывая деньги в портмоне. — Лет десять не виделись, а тут встретились случайно. Но сдаётся мне, верхними полушариями он слишком шустро крутит.

— Да верхними, сколько ни крути, а нижние всё позади остаются. Твой-то интерес какой?

— Не знаю пока.

— Так в чём проблема? Давай ребятки мои прощупают. И мне спокойнее будет. Сам знаешь, не люблю я, когда левые рядом трутся.

Мужчина неспешной походкой вышел из санузла, а Сашка прислонился спиной к отделанной кафелем стене и провёл рукой по лицу, пытаясь собрать мысли в кучу.

Все дневные проблемы, и даже Шелудяков, ушли на задний план. Карман куртки приятно грели купюры, расположившись ровной стопочкой в портмоне, и впереди маячило возвращение к нормальной работе.

Нормальной? Деньги были нормальными. А вот шутка про деревянный пиджак, которой напутствовал начальник каждый новый рейс, теперь звучала, как приговор.

Сашка закрыл глаза и голова вновь пошла кругом.

Он снова лежал в снегу, наблюдая, как водитель выползает через пассажирскую дверь и валится в сугроб. Живой. Трасса совершенно пустая, а за ней шумит голыми кронами лес. Точно понять, откуда стреляли, не реально. Но дали короткую очередь по лобовому, значит, добьют в любом случае, и это не дорожные гопники. Работают по наводке — им нужно содержимое автомобильного сейфа.

Именно поэтому, выезжая на безлюдную трассу, Сашка всегда держал калаш наготове, дослав патрон в патронник и поставив на предохранитель. За полтора года сопровождения грузов случалось всякое, но применить оружие по прямому назначению пришлось впервые.

Он согнул руку, подтягивая автомат, но застрекотала новая очередь, пули утонули в снегу и бок обожгло.

На трассе показались два силуэта. Видимо, долгое отсутствие телодвижений убедило нападавших в том, что задача выполнена. Сашка снял автомат с предохранителя и дал очередь, не особо надеясь на результат. Главное, не дать противнику подойти к машине, около которой лежит водитель, зажав левой рукой, то ли грудь, то ли шею…

Но дверь санузла открылась, в помещение ворвалась оркестровая мелодия и в проёме возник охранник:

— Александр Иванович, у вас всё в порядке?

Сашка открыл глаза, тряхнул головой и направился к выходу:

— Всё нормально. А что?

— Да я смотрю, сослуживец ваш уже ушёл, а вас в зале нет.

— Да, Кирюх, представляешь, залюбовался местными достопримечательностями. Чего смотришь? Ты в армии много таких сортиров видел? Ни одного? Вот и я любуюсь. Так сказать, удовлетворяю свои потребности в эстетике. Понял? — он посмотрел на смутившегося парня и улыбнулся. — Ладно, пошли на улицу. К Ильичу брательник приехал?

— Да. А вы откуда знаете?

— Боец, ну ты даёшь! Я же не вчера на свет народился. Если в баре вопит саксофон, значит, отдыхает Константин Ильич. И пока он не уедет, все могут на резинке от трусов повеситься, но будут слушать. А кому разрешено нарушать традицию? Только его брату.

На что Кирилл открыл уличную дверь, пропуская Сашку, почесал лысую макушку и сморщился:

— Да я, Александр Иванович, в такой музыке не очень. Мне что посерьёзнее нравится — панк рок там или…

А Сашка поднялся по лестнице, вышел на тротуар и глубоко вдохнул, внутренне улыбнувшись хорошему настроению — жизнь налаживалась, а без «деревянной опалубки» ещё никто не остался. Дело только во времени.

Улица всё так же светилась неоном и шумела вечерней суетой, машины сновали по проезжей части, и лишь старенький «Жигуль» стоял теперь в гордом одиночестве. Видимо, молодёжь оприходовала «боезаряд» спиртного и отправилась в поисках приключений на нижние полушария.

Мужчина закурил и хотел уже продолжить разговор с Кириллом, но сквозь гул машин услышал женские мольбы вперемешку с мужским недовольством, и огляделся. В метрах десяти по ходу движения стояла чёрная иномарка с распахнутой задней дверью, и мужик пытался впихнуть в салон даму. В голове промелькнула предположение о перепившей спутнице, которую очередной бизнесмен пытается транспортировать домой. Но знакомый голос не оставил времени на размышления, сигарета полетела на тротуар, а Сашка поспешил к иномарке.

Народ вокруг не обращал внимания на возню и ругань, и Сафронов хотел уже не ввязываться, куда не просят. Но остановился в паре метров от машины и поинтересовался:

— У вас всё в порядке?

Парочка замерла от неожиданности, но женщина подала голос первой, сидя в салоне и отталкивая мужские руки, которые пытались отправить туда же её ноги, чтобы закрыть дверь.

— А вы не видите?

На что спутник её обернулся, перекрыв выход из автомобиля, и недовольно скривился:

— Слушай, мужик, тебе больше всех надо? — забегал неуверенный взгляд, озираясь по сторонам, но тут же попытался нахмуриться. — Тащи свой зад мимо.

Сашка хмыкнул, попутно размышляя о защите пятой точки, которая стала пользоваться излишней популярностью даже у субтильных ботаников. Сплёл руки на груди и ухмыльнулся, вскинув левую бровь:

— Ух ты, какой грозный. А если не потащу, то что?

«Субтильный» хотел ответить, но неожиданно закрыл рот, молча выпустил спутницу из машины, хлопнул дверью и уехал, получив вдогонку женский писк:

— Сумку верни!

Будто услышав, автомобиль притормозил. Дверь приоткрылась и на асфальт что-то упало. Дама топнула ножкой, вздохнула и поплелась поднимать. А странное бегство противника обескуражило Сашку и даже заставило себе польстить.

Но сбоку раздался удивлённый голос Кирилла и расставил точки:

— Странный какой-то. Я ему только кивнул — мол, чего барагозишь? А он слинял.

— Кирюха, ты бы ещё ему кулачком погрозил. Он бы тебе ключи от тачки подарил и пешком драпанул.

Парень посмотрел на свой кулак, размером с голову младенца, и недоумённо хмыкнул:

— Кулачок, как кулачок, ничего особенного.

А Сашка в это время сдерживал смех и наблюдал за спасённой, которая возвращалась неуверенной походкой, вытянув руку, в которой болталась грязная сумка. Но при этом Софья Сергеевна успевала злиться на припаркованные машины, в ряд которых забрела, следуя не совсем адекватной логике.

— Добрый вечер, Софья Сергеевна! — поприветствовал он даму, едва та оказалась на тротуаре.

Молодая женщина подняла удивлённый взгляд и разочарованно протянула:

— А, это опять вы, господин охранник.

— Я тоже рад вас видеть. Помощь нужна?

— От вас? Да я лучше бы с ним поехала, если бы знала.

— За благодарность — отдельное спасибо. Но сильно не обольщайтесь, — кивнул Сашка на застывшего рядом Кирилла. — Вас юный тимуровец спас, а не я.

Софья подошла ближе, задрала подбородок, пьяненько улыбнулась и обратилась к парню, слегка растягивая слова:

— Правда? Это вы? Спасибо вам большое, молодой человек. Вот вы — настоящий герой, не то что некоторые. А хотите, я вас поцелую?

Но Кирилл округлил глаза и смущённо попятился от решительно настроенной дамочки, попытавшись сформулировать что-то внятное:

— Нет. Это. Мне надо. Я же там…

Софья Сергеевна удивлённо проследила за парнем, исчезнувшим в полуподвале, и вздохнула, прижав к себе сумку, как плюшевого мишку.

— И что я такого сказала? — перевела она растерянный взгляд на Сашку и грустно спросила. — Я его обидела, да?

Тот хмыкнул, понимая, что пешая прогулка накрылась интересным состоянием шатенки, которая точно найдёт приключения на пятую точку, если останется одна. Тем более, застывшие и слегка расширенные зрачки намекали на присутствие в её крови не только алкоголя. И размышляя, как сделать так, чтобы внутренняя фурия Софьи Сергеевны не превратилась в ящик Пандоры, пока он будет транспортировать её до дома, Сафронов улыбнулся и успокоил:

— Не огорчайтесь. Кирилл — парень деревенский и очень стеснительный. Вот и смутился перед дамой — на редкость сегодня очаровательной.

Софья улыбнулась комплименту, но прищурилась и попыталась нахмуриться:

— Издеваетесь, да?

— Нет.

Только и смог он соврать, пытаясь изо всех казаться серьёзным. Ибо каштановый водопад, в кудряшках которого резвились неоновые лучи, и бездонные сапфировые озёра на милом личике, никак не сочетались с тем, что представляла из себя одежда женщины. Светло-бежевый плащ собрал всю возможную грязь с кузова чёрной иномарки, пока его хозяйка героически отстаивала право на свободу, и теперь был больше похож на маскировочный халат после полевого выхода.

Но Софья Сергеевна перехватила его взгляд и вспыхнула возмущённо:

— И что?! Ну вот что вы меня изучаете, как мышь лабораторную! — но тут же оглядела себя и испуганно пискнула. — Ой, мамочки!

— Самое время, — констатировал Сашка, наблюдая, как быстро в затуманенное сознание возвращается ясность, а женские пальчики начинают раскопки в недрах сумки.

— Чему самое время? — переспросила Софья Сергеевна.

— Маму позвать. Чтобы дочку забрала и отшлёпала.

— Совсем не смешно. Вот как теперь домой ехать? Меня же ни один приличный таксист в машину не пустит.

Бумажные платочки нервно запорхали по грязным пятнам на плаще, но в следующий момент сумка ткнулась Сашке в грудь, и он едва успел расцепить руки и схватить её, удивлённо вскинув брови, на короткое:

— Подержите.

Мужчина хмыкнул, но не стал озвучивать мысли о логичности поступка, а выдернул из раскрытой молнии салфетки, протёр сумку и принялся за куртку, на которой отпечаталась грязь.

— Ой, простите, я и вас испачкала, — отвлеклась «фурия» от своего плаща и сконфуженно наморщилась.

— Ерунда, переживу как-нибудь. Вы сами как?

Но вопрос был излишним и Сашке пришлось крепко держать себя в руках, чтобы внутренний смех не вырвался наружу. Чуда не произошло. Ткань плаща впитала достаточно грязи, чтобы остаться похожей на побитый полевыми выходами камуфляж. И справиться с этим могла лишь химчистка. Поэтому легче было убедить Софью Сергеевну побыстрее взять такси и отправиться домой. Что он и сделал, выслушав лекцию о том, что она — самодостаточная личность, в полной мере осознающая свои действия и способная добраться до дома без сопровождения.

Но закончив оду феминизму, Софья Сергеевна зевнула, прикрыв рот ладонью, и попросила:

— Вы только с водителем договоритесь и в машину меня посадите. А то я боюсь своим видом всех распугать.

И посоловевший голубой взгляд не оставил ему выбора.

А вскоре такси остановилось у дорожки, ведущей к подъезду, и Сашка нехотя оторвался от нежного аромата, который вдыхал всю дорогу, уткнувшись носом в шёлковые волосы спутницы. Он осторожно раскрыл кольцо из рук и слегка коснулся ладонью женского лица. Софья Сергеевна открыла глаза и тут же отстранилась от его плеча. Осмотрелась спросонья, расстегнула рассеянно молнию на сумке, но Сафронов положил свою ладонь на её и улыбнулся:

— Не нужно. Подождите.

И пока женщина собиралась с мыслями, вышел, открыл её дверь и протянул руку, помогая выйти из машины.

Ветер гонял тучи, закрывая ночное небо свинцовой завесой. Холодная морось кружила в воздухе и сверкала в жёлтом свете уличных фонарей, а Сашка смотрел на водяную пыль, осевшую золотыми искрами на каштановых кудряшках, и не замечал, что продолжает удерживать нежные пальцы в своей руке.

Софья смутилась от пристального взгляда и освободила ладонь, нарушив неловкую паузу:

— Спасибо большое. И простите, что испортила вам вечер.

Он хмыкнул, вернувшись в реальность, левая бровь взлетела выше правой и губы тронула улыбка:

— Час назад вы думали иначе.

Искорки засияли в голубых глазах, и женщина смущённо улыбнулась:

— Час назад я вообще была не в состоянии думать. Вот и наговорила ерунды. Не обижайтесь. Вы и правда мне очень помогли.

— Хорошо, не буду. Главное, теперь вы улыбаетесь.

— Тогда я пойду?

— Вас проводить?

— Нет, спасибо. Теперь я точно сама.

Но Сашка вернулся в машину и попросил водителя немного подождать, дабы убедиться, что Софья Сергеевна благополучно войдёт в подъезд. Он ждал этого, но ещё больше хотел вернуть тот момент, когда её голова лежала у него на плече, а в груди творилось чёрт знает что.

Вот только женский силуэт слегка качнулся, свернул с дорожки и исчез за подстриженными кустами. Таксист занервничал и пробурчал о простое, но спрятав в барсетку хрустящую купюру, замолчал и заглушил двигатель. Но подождав ещё немного, Сашка забеспокоился, отпустил машину и пошёл к подъезду, у которого и нашёл Софью.

Та сидела на лавочке в обнимку с сумкой, смотрела отрешённо в одну точку и совершенно не отреагировала на присевшего рядом мужчину.

— Софья Сергеевна, у вас всё в порядке?

— Да, — чуть слышно ответила она и повернула к нему лицо. — А почему вы не уехали?

— Захотел воздухом подышать, погода хорошая.

Мужчина хотел пошутить, но увидел такую бесконечную грусть, что едва уловимая улыбка, которую Софья Сергеевна попыталась изобразить, превратилась в ухмылку:

— Да, в такую слякоть, самое время гулять. Зря вы машину отпустили. Здесь такси найти невозможно. Придётся вам на улице ночевать.

Сашка понял намёк, но пока на горизонте не маячил кто-то, кто мог поручиться за безопасность женщины, сделал вид, что смысл обтекаемых фраз не доступен такому остолопу:

— Ничего, найду способ уехать. А вам, так понимаю, тоже погода нравится? Замёрзнуть не боитесь?

— А вы решили надо мной шефство взять? Думаете, Шелудяков сверхурочные выпишет? — она отвернулась и обречённо выдохнула. — Как же я от всех вас устала.

Сашка слегка оторопел, но пазл в голове сложился, и он лишь уточнил, чтобы подтвердить догадку:

— Интересный гидразин. А вы можете объяснить, за что на меня должен посыпаться золотой дождь от Шелудякова?

— Издеваетесь? Если вы ещё и бескорыстно ему помогаете, то мне вас жаль.

— Да уж, жизнь летит мимо, а я — ни сном ни духом. И в чём же, позвольте узнать, я ему помогаю? Если про мусор на капоте, то…

Он рассказал про случившееся на остановке, наблюдая, как от смеха затряслись каштановые кудряшки, потом повернулось изумлённое лицо, и Соня закрыла его ладонями, смущённо выдохнув:

— Какой ужас! Так это были вы? Мне так стыдно! — она убрала руки, и виноватая улыбка скользнула по губам. — Простите. Я хотела остановиться, но вовремя не сообразила. Почему же вы на парковке не сказали?

— Вообще то, вы меня таким взглядом наградили и так далеко за чаевыми послали, что…

— Но вы тоже додумались. Детский сад какой-то.

— Не спорю. Только, согласитесь, мусор убрать проще, чем дырявое колесо поменять.

— Хорошо. А сегодня?

Сашка удивлённо посмотрел в подозрительно прищурившиеся глаза, зрачки которых приобрели естественную подвижность, и не сдержал улыбки:

— А что сегодня? Вышел из бара, ринулся, как рыцарь, на помощь. Но ваш спутник так испугался моего оруженосца, что я и доспехами пошевелить не успел. При случае, кстати, поблагодарите юное дарование. Он охранником в Цезаре работает. Только с поцелуями больше не лезьте, а то сделаете парня заикой.

Софья Сергеевна прыснула от смеха и прижала к себе покрепче сумку, которая норовила свалиться с колен:

— Да уж, он так улепётывал, что я теперь даже подойти не решусь.

Но дальнейшее пребывание на улице уже казалось не столь радужным, потому что ветер набирал силу, раскачивал деревья и протяжный гул разносился по округе, предупреждая о наступающей буре.

Водяная пыль рассеялась и с неба посыпался белый бисер, отбивая дробь по металлическим отливам и козырьку над подъездом. Порывы воздуха захватывали ледяную крошку горстями и кидали со всей силы, то в одну, то в другую сторону, будто пытаясь загнать людей в укрытие.

И Сашка не стал медлить — поднялся, стряхнул с головы белую крупу и подал руку Соне:

— Идёмте, провожу вас до подъезда.

Вот только она замотала головой и прищурилась от белых колючек, летевших в лицо:

— Нет, я посижу немного. Вы идите. Я бы вам вызвала такси, но у меня сотовый сел. Простите.

И показалось странным, даже не то, что в такую погоду она упорно не хотела идти в тепло, а взгляд, который моментально потух и стал упрямым. Сашка присел на корточки, взял её ладони в свои и принялся греть дыханием, продолжая любоваться каштановыми всполохами, которые ветер гонял из стороны в сторону, так и норовя укутать лицо, раскрасневшееся от холода.

— Софья Сергеевна, я не могу уйти и оставить вас одну. И дома вас уже ждут и беспокоятся.

— Ждут?

На мгновение взгляд её потеплел, но голубые радужки треснули, сапфировые озёра переполнились и слёзы покатились по щекам, смешиваясь с каплями от растаявшей снежной крупы.

— Софья Сергеевна, вы замёрзли.

— Нет, всё нормально. Скажите, а почему вы меня так официально называете?

— Наверное потому, что я для вас — господин охранник, — подёрнул он плечом и улыбнулся.

— Да? А как вас зовут?

— Александр, но лучше Саша. А вы? — продолжил он греть её ладони.

— Соня. И лучше на «ты».

— Хорошо. Соня, что я должен сделать, чтобы уговорить тебя пойти домой?

— Наверное, подняться со мной, потому что мне страшно?

— И всего то? — хмыкнул он удивлённо и рассмеялся, пытаясь сдержать ледяную дрожь, что овладела телом. — Сказала бы сразу, уже давно чай пила. Идём, доставлю до квартиры хотя бы то, что ещё не отмёрзло.

Очутившись в подъезде, Сашка мысленно возблагодарил коммунальщиков за тёплый приём. А поднявшись с Софьей на третий этаж пешком, согрелся до такой степени, что организм стало клонить в сон. И при одной только мысли о предстоящем возвращении в непогоду и поисках такси, мозг уже готов был согласиться на то, что подоконники в подъезде достаточно широкие. В конце концов, за двадцать лет в армии, он и не в таких местах спал.

— Вот мы и пришли, — подала голос Соня, достала ключи и стала открывать дверь.

Мокрые от растаявшей крупы пряди падали на лицо, она их пыталась убрать, руки скользили и ключ никак не хотел проворачиваться в замке.

— Замечательно. Значит, я пойду? — неуверенно предположил Сашка.

Хотя, замёрзший мозг подумал о наличии в квартире домашнего телефона, с которого можно вызвать такси. Но настроение Сони менялось настолько быстро, что Сафронов не решился озвучить пришедшую мысль.

И тем неожиданней прозвучали слова, сорвавшиеся с её губ:

— Вы серьёзно думаете, что я вас отпущу в такую погоду? Сейчас поставлю телефон на зарядку и вызову такси. Идёмте.

Она улыбнулась и кивнула на открытую дверь.

Предположение Сафронова не оправдалось и дома женщину никто не ждал. Из приоткрытого шкафа в прихожей топорщились рукава зимней одежды, обувная полка была заполнена разномастными ботинками, и придверный коврик улыбался ярким солнышком, но большая квартира казалась безжизненной. Чёрная пустота коридора отражалась бесконечностью в большом настенном зеркале, и Соня даже не посмотрела в ту сторону, поспешно проводив гостя в кухню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.